

Лукьянчикова Мария Владимировна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры рекламы и связей
с общественностью
Санкт-Петербургского гуманитарного
университета профсоюзов
dom-hors@mail.ru

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ОСВЕЩЕНИИ ГЕРМАНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ Д. БАЙРАУ

Аннотация:

Статья посвящена анализу взглядов немецкого специалиста по истории Восточной Европы Д. Байрау на российскую дореволюционную армию. Значимость фундаментального труда историка заключается в интерпретационной модели взаимодействия армии, экономики и общества. Исследователь приходит к выводу о дуалистическом характере российской армии – сосуществование передовых технологий и постоянного приспособления к регрессивным общественным структурам.

Ключевые слова:

германское россиеведение, армия, общество, экономика, военные реформы, военное управление, отсталость.

Lukyanchikova Maria Vladimirovna

PhD in History,
Assistant Professor of
the Advertisement and PR Department,
Saint Petersburg University of
Humanities and Social Sciences
dom-hors@mail.ru

HISTORY OF THE RUSSIAN ARMY INTERPRETED BY GERMAN HISTORIAN D. BEYRAU

The summary:

The article deals with analysis of German expert in Eastern Europe history D. Beyrau's opinion regarding Russian pre-revolutionary army. The significance of the historian's fundamental work is in presenting an interpretational model of cooperation between the army, economy and society. The researcher concludes that the Russian army has a dualistic nature, which represents in coexistence of advanced technologies and constant adaptation to the regressive social structures.

Keywords:

Russian studies in Germany, army, society, economy, military reform, military government, backwardness.

История Российской армии и военная тематика всегда занимали важное место в системе исторического знания в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Для отечественных работ (и дореволюционных, и советских) в основном был характерен либо военно-полевой, либо патриотический уклон, так называемое патриотическое благоговение с традиционной военной историей (работы о великих полководцах и военачальниках). Социально-исторические трактовки роли армии в экономике, обществе и его внутренней жизни практически отсутствовали. За последние десять лет ситуация изменилась, о чем свидетельствует возросший интерес к военной и армейской тематике, число конференций и вышедших сборников с докладами [1]. Причем вектор исторических изысканий направлен сегодня в сторону комплексного подхода: разработка проблемы «армия и общество» и трактовка различных аспектов военной субкультуры осуществляется в рамках социологии и истории повседневности. Приоритет в изучении армии с позиций ее взаимодействия с обществом, экономической жизнью и государственной властью принадлежит зарубежным исследователям, еще в 70-х гг. XX в., работая в рамках социально-исторического подхода, они стали обращаться к освещению истории вооруженных сил во взаимосвязи этих аспектов.

Одно из таких исследований – фундаментальная монография немецкого специалиста по истории Восточной Европы Д. Байрау «Армия и общество в дореволюционной России» [2]. Написанная еще в начале 1980-х гг. под влиянием П.А. Зайончковского и его работ о русской армии и офицерском корпусе (Д. Байрау был одним из многочисленных иностранных стажеров историка), монография представляет собой оригинальную трактовку истории российской армии до революции в ее взаимосвязи с общественной, эконо-

мической и политической жизнью, что отличает исследование от трудов советских историков и сохраняет его актуальность до сих пор. Работая над монографией, которая была защищена как докторская диссертация на историческом факультете Тюбингенского университета в 1980 г., историк провел девять месяцев в России, изучая литературу в библиотеках Москвы и Ленинграда, архивные документы как в Москве (которые были, по словам историка, предоставлены ему в ограниченном количестве) [3], так и в Бонне (сообщения прусских дипломатов и военных из архива министерства иностранных дел). Работа стала продолжением темы, которую историк разрабатывал еще в начале своей карьеры в первых статьях – по социально-экономической истории второй половины XIX в.

В советской исторической литературе монография Д. Байрау не анализировалась, в постсоветский же период ситуация изменилась, на нее стали ссылаться, сравнивать с отечественными и зарубежными работами по армейской тематике. Например, В.В. Лапин обратился к истории российской армии в зарубежной историографии, критически проанализировал и сравнил монографии Д. Байрау, Д. Кипа, В. Фулера, А. Уальдмана и В.М. Пинтнера [4, с. 7–27]. Историк отмечает большую исследовательскую важность работ данных авторов, которые убедительно доказывают влияние военных элементов на экономическую, социальную и политическую жизнь дореволюционной России, в то время как отечественная историография отстала в освещении изучения всего комплекса проблем «армия, государство и общество». П.П. Щербинин, занимающийся вопросами повседневности, гендерной историей, проблемами «армия и женщина», «война и женщина», отмечает огромное значение монографии Д. Байрау и исследований научного центра «Опыт войны», в рамках которого работали исследователи Тюбингенского института восточно-европейской истории и страноведения [5, с. 11–24].

Остановимся на основных исследовательских выводах и проблемах, которые немецкий историк поднимает в своем труде. Следует отметить рецензии в зарубежных изданиях [6]. Р.П. Бартлет отмечает, что при всех плюсах работы Д. Байрау многие интерпретационные линии не новы, хотя историк и приводит интересные выводы по отдельным вопросам; особенно ценен анализ военных округов Милютина, и неудачна глава о роли армии в политике [7, с. 446]. Б.В. Менинг более восторженно оценил достижения Д. Байрау, объединившего в работе методы традиционной военной истории и современной военной социологии.

Монография Д. Байрау построена по структурно-хронологическому принципу, чтобы яснее отразить взаимосвязь стабильности и перемен в развитии российской армии до революции 1917 г. Историк выделяет три плоскости исследовательского интереса: меняющаяся структура армии, взаимосвязь между экономикой и обеспечением армии, социальное и политическое пересечение между армией и обществом, то есть жизнь армии изнутри, проблемный комплекс «экономика – армия» и проблемный комплекс «армия – общество». Для разрешения этих противоречий автор обращается к двум противоположным концепциям Ф. Энгельса и О. Хинтце, оба отмечали важность корреляции между социальной и военной структурами, но первый отдает предпочтение социально-экономическим факторам во влиянии на армию, второй – доминированию государства и его военных интересов [8, с. 4–5]. Д. Байрау, не отрицая ни одну из них, как бы объединяет методы толкования историков, отмечая немаловажное влияние на армию как экономики и социальной сферы, так и государства. В основе его концепции – отставание России от ведущих европейских держав, что выражается не только в теоретических основах монографии (позиции Ф. Энгельса и О. Хинтце), но и в сравнениях военного управления, структуры и характера развития армии в России и Европе (особенно Пруссии и Франции).

Во введении автор останавливается на историографии вопроса, отмечая при этом некоторое пренебрежительное отношение отечественных исследователей к истории вооруженных сил в России, практическое отсутствие теоретических и концептуальных работ по роли армии в развитии абсолютизма, анализирует роль государства и экономики в дореволюционной России, феномен коррупции. Пытаясь описать типовые общественные условия и социальные образцы поведения в дореволюционной России, Д. Байрау указывает на доминирование государства над экономикой, обществом и особенно армией, на жесткие условия регламентации социальных отношений, на противоречия между государственными задачами и их реализацией как в доиндустриальной, так и в раннеиндустриальной России. Сравнивая Россию с другими абсолютистскими государствами, историк отмечает общую для них зависимость от аграрного сектора, который делал медленные шаги к капиталистическому товарному хозяйству. Д. Байрау указывает на специфическую дилемму, характерную для всех абсолютистских государств: чтобы повысить доходы, государство пыталось внедриться в экономику, регулируя ее и редко применяя новаторские методы, но одновременно государственный аппарат боялся сам превратиться в огромный «приход» чиновников и офицеров. Выравнивание этих тенденций в такой стране, как Россия, где доминирование исполнительной власти над обществом было особенно сильным, не удавалось [9, с. 23–24].

Д. Байрау неслучайно обращается к этим темам – теоретическая часть наглядно демонстрирует взаимоотношения в трех плоскостях «государство – армия – экономика». Большая часть работы посвящена именно экономическим вопросам: экономической структуре армии, ее обеспечению и хозяйству. Вторая глава касается материальной жизни регулярной армии в 1700–1855 гг. Исследователь рассматривает широкий круг тем: систему военного управления, условия службы солдат и офицеров, различные аспекты развития государственной экономики, ремесла и промышленности, отношение государственных учреждений и их представителей к торговле и промышленности, уровень образованности офицеров и подготовки военных, обеспечение и снабжение военных, смертности в армии.

Автор анализирует те перемены, которые произошли в стране в XVIII в. под воздействием военной политики Петра I – усиление налогового обложения, появление мануфактур, дальнейшее закрепощение крестьян. При этом историк использует термин «Zangengeburt» (с немецкого – роды с наложением щипцов), объясняя это внедрением государства во все сферы жизни общества: инструментом проведения реформ было осознанно используемое насилие. Формирование регулярной армии воздействовало на налоговую систему, укрепляло крепостную зависимость и передавало важные импульсы промышленному сектору. Отмечая основные особенности петровской экономической политики, историк называет ее типичной для тогдашних абсолютистских государств: потребительское отношение к аграрному сектору, содействие развитию ремесла и промышленности (правда, в России насаждаемое крайне жестокими мерами) и особенно высокий уровень государственного участия [10, с. 48]. Продолжая использовать метафору о «родах с наложением щипцов», Д. Байрау отмечает, что «потребности войны и армии следует рассматривать как акушера фабрики в России; но при этом следует подчеркнуть, что «клещевой захват» при рождении фабрики требовал неслыханных жертв, которые фабрика смогла пережить только потому, что потребности внешнего рынка кормили государственные крупные предприятия» [11, с. 51]. Таким образом, отмечая положительные тенденции в развитии армии в XVIII в., историк указывает на то, за счет чего и кого происходило это развитие – страдала социально-экономическая сфера, армия же выполняла по-

лицейские функции, функции налогового и финансового управления, являясь опорой государственной власти.

По мнению Д. Байрау, для Российской империи вообще характерно отсутствие должной координации между руководством и исполнительной властью, что особенно проявлялось на полях сражений, хотя действовало и в мирное время. Так, в качестве причин поражения в Крымской войне автор называет негативные последствия централизации власти, влияние автократического стиля управления, что выражалось в нерешительности главнокомандующих на поле боя, так как инициатива без приказа каралась [12, с. 63]. Историк рассматривает создание военных поселений и их регрессивный характер, что еще раз указывает на тесную взаимосвязь военных структур с общественно-экономической жизнью. Военные колонии, по его мнению, были организованы не только для создания определенной военной касты, которая могла бы стать опасным внутренним фактором, но и стали симптомами патологической реакции самодержавия на революционные события на Западе [13, с. 75].

Следующая глава монографии посвящена военному вмешательству армии в политику в 1725–1825 гг. При этом автор рассматривает термин «военное вмешательство» как весь комплекс влияний на высокую политику на конкретных примерах: роль гвардии в дворцовых переворотах, восстание декабристов, политические последствия военных реформ Милютина, преодоление поражения 1856 г., формы военной и политической интеграции периферийных регионов, таких как Кавказ и Польша, формирование военных округов как военно-административного и политического органа, общественная реакция на всеобщую повинность, роль дворян и их влияние на армию и солдат-крестьян.

Д. Байрау прослеживает традицию между вмешательством гвардии в порядок престолонаследия и восстанием декабристов, но призывает принимать во внимание новое этическое и политическое качество сознания декабристов. По мнению историка, в историческом развитии декабристы определили окончательную точку и одновременно преодоление прежних форм военного вмешательства. При увеличивающейся бюрократизации власти тактика путча стала казаться бессмысленной, так как изменилась функция армии [14, с. 305–306]. При этом гвардия как вмешивающаяся инстанция просуществовала почти сто лет, и при совершенно других условиях она должна была снова взять на себя эту функцию – только как вооруженная рука крестьян и рабочих [15, с. 208].

В четвертой главе «Армия и экономика после 1850 г.» Д. Байрау пытается приблизиться к военной повседневности, осветить функции и методы военной организации. Глава охватывает период от Крымской до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и, по мнению историка, представляет собой некую проверку успехов и неудач реформ 60–70-х гг. XIX в. Проблемы в военной области в это время во многом характерны для всей половины XIX в. (частично даже до 1914 г.) и представляют собой ту комбинацию традиционных и современных элементов, которые были основополагающими не только для армии, но и для государства и российского общества в целом. Историк отмечает далеко идущие последствия реформирования армии Д.А. Милютиным. По мнению Д. Байрау, они стали следствием принуждения, которое скорее определялось международной конкуренцией европейских держав, чем соответствовало динамике российского внутреннего развития [16, с. 429].

В итоге Д. Байрау приходит к выводу о противоречивом внутреннем характере российской дореволюционной армии – она сочетала прогресс реформ Милютина, но в то же время приспосабливалась в регрессивным условиям развития общества, что было особенно характерно для военной организации и стало одной из причин военных трудностей в XIX в. и поражений в начале XX в. В.В. Лапин отмечает, что Д. Байрау большую часть работы посвятил взаимовлиянию армии и экономики империи, но в освещении во-

просов отношений армии и общества историк более уязвим. В.В. Лапин указывает на недостаток внимания к армии как социального регулятора, к причинам и последствиям введения рекрутской системы, к армии как каналу вертикальной и горизонтальной мобильности, как фактору, оказывающему серьезное влияние на демографические и этнические процессы в стране [17, с. 21–22]. Тем не менее в монографии Д. Байрау рассматривает эти вопросы, пусть и не так подробно, как экономические.

В заключительной главе Д. Байрау, подводя итоги, обращается к переменам, произошедшим в российской военной системе от времени правления Петра I до Первой мировой войны, анализирует, как сочетались традиции и нововведения в армии. Историк отмечает, что только после поражения в Крымской войне восточная империя последовала за общеевропейскими образцами развития. С отменой крепостного права была открыта дорога для введения всеобщей воинской повинности, для сокращения наличного состава армии, для использования принципа ротации рядовых и для создания военных резервов. Введение рекрутского набора, соответственно всеобщей воинской повинности в западных и центрально-европейских государствах было связано с распространением политического участия. По мнению историка, в России этот дополнительный процесс отсутствовал. Введение всеобщей воинской повинности стало здесь завершающим этапом военной реформы, организационно-техническим мероприятием, совершившимся в расчете на соотношение сил с европейскими армиями. Постепенная индустриализация и коммерциализация сельского хозяйства повлияла на первые признаки политической активности низших слоев населения с 1890-х гг., особенно рабочих. Вероятно, ни в какой другой стране Европы армия не использовалась в таком объеме для регулирования внутренних военных действий, как в России, пишет историк. Военные поражения царской России с 1914 г., временные недостатки военно-технического аппарата, а также хаос в логистике привели к значительной потере авторитета военного и политического руководства. Кризис с боеприпасами, проблемы со снабжением и голод много раз приписывались отсталости России, хотя они ни в коем случае не ограничивались только русской стороной [18, с. 433–437].

Д. Байрау утверждает, что историю России с середины XVII в., особенно в военном секторе, следует рассматривать как вновь и вновь предпринимаемую серию усилий по преодолению или компенсации последствий отсталости или неудобств географического положения. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что российская армия на протяжении истории своего развития и совершенствования отражала дуалистический характер российского общества. В России армия никогда не рассматривала себя как модернизационную силу – напротив, она была вынуждена принимать регрессивные существующие общественные структуры. С одной стороны, особенности службы и военного обеспечения, структура, технология показывают, что имперская Россия последовала за европейскими армиями по пути институциональной модернизации, но, с другой стороны, российские условия всегда и везде налагали ограничения и диктовали приспособление. В итоге получилась разнородная смесь, организация, которая была одновременно внутри и за пределами общества; армия, как полагает историк, обладала противоречивым воздействием: она и поддерживала, и лишала свободы монархию, стимулировала и тормозила развитие социально-экономических аспектов, требовала и ограничивала рост военного профессионализма.

Д. Байрау удалось создать концептуальное исследование по истории дореволюционной российской армии, которое объединяет вопросы традиционной военной истории и современной социологии. Комплексное исследование немецкого историка, несомненно, стоит в одном ряду с фундаментальными работами отечественных и западных исследователей по истории взаимоотношений армии и общества в России перед революцией 1917 г.

Ссылки:

1. Армия и общество / сост. и ред. Н.А. Чалдымова, А.И. Черкасенко. М., 1900. 432 с. ; Армия и общество : материалы междунар. науч. конф. 28 февраля 2000 г. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2002. 234 с.
2. Beyrau D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd.15). Köln, 1984. 504 S.
3. Ibid. S. IX–X.
4. Лапин В.В. Армия дореволюционной России в современной западной историографии // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XX вв. в зарубежной историографии / отв. ред. В.А. Шишкин. СПб., 1994.
5. Щербинин П.П. Влияние «военного фактора» на повседневную-бытовую культуру россиянок в XIX в. // Армия и общество : материалы междунар. науч. конф. 28 февраля 2000 г. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2002. 234 с.
6. Menning B.W. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland by D. Beyrau // The American Historical Review. Vol. 91. № 4. (Oct., 1986). P. 965–966 ; Bartlett R.P. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland by D. Beyrau // The English Historical Review. Vol. 101. № 399 (Apr., 1986). P. 444–446.
7. Bartlett R.P. Op. cit.
8. Beyrau D. Op. cit.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Лапин В.В. Указ. соч.
18. Beyrau D. Op. cit.

References (transliterated):

1. Armiya i obshchestvo / comp. and ed. by N.A. Chaldymova, A.I. Cherkasenko. M., 1900. 432 s. ; Armiya i obshchestvo : materialy mezhdunar. nauch. konf. 28 fevralya 2000 g. / ex. ed. P.P. Shcherbinin. Tambov, 2002. 234 p.
2. Beyrau D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd.15). Köln, 1984. 504 S.
3. Ibid. S. IX–X.
4. Lapin V.V. Armiya dorevoljucionnoy Rossii v sovremennoy zapadnoy istoriografii // Gosudarstvennie instituty i obshchestvennie otnosheniya v Rossii XVIII–XX vv. v zarubezhnoy istoriografii / ex. ed. V.A. Shishkin. SPb., 1994.
5. Shcherbinin P.P. Vliyanie «voennogo faktora» na povsednevno-bytovuyu kul'turu rossiyanok v XIX v. // Armiya i obshchestvo : materialy mezhdunar. nauch. konf. 28 fevralya 2000 g. / ex. ed. P.P. Shcherbinin. Tambov, 2002. 234 p.
6. Menning B.W. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland by D. Beyrau // The American Historical Review. Vol. 91. № 4. (Oct., 1986). P. 965–966 ; Bartlett R.P. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland by D. Beyrau // The English Historical Review. Vol. 101. № 399 (Apr., 1986). P. 444–446.
7. Bartlett R.P. Op. cit.
8. Beyrau D. Op. cit.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Lapin V.V. Op. cit.
18. Beyrau D. Op. cit.